

ПОНЯТИЙНЫЙ
ПОДСТРОЧНИК К

КОРАНУ

Издание 2-е, дополненное

Иман
Валерия Порохова

Иман Валерия Порохова

**ПОНЯТИЙНЫЙ
ПОДСТРОЧНИК К КОРАНУ**

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 82-97
ББК 86.38

Порохова И. М.

Понятийный подстрочник к Корану / И. М. Порохова —
«РИПОЛ Классик», 2017

ISBN 978-5-386-09890-2

«Еще в V в., на последнем этапе доисламского периода, который мусульмане называют теперь аль-джахилия («эра неведения»), Созомен, христианский историк из Палестины, писал, что сирийские арабы возродили исконную веру Авраама, который не был ни иудеем, ни христианином, поскольку жил в те времена, когда Бог еще не дал людям ни Тору, ни Новый Завет...»

УДК 82-97

ББК 86.38

ISBN 978-5-386-09890-2

© Порохова И. М., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Как все начиналось	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Иман Валерия Порохова

ПОНЯТИЙНЫЙ ПОДСТРОЧНИК К КОРАНУ

*Во имя Аллаха,
Всемилоостивого,
Милосердного*

*Единственный смысл жизни – это совершенствование своей бессмертной основы (души). Все другие виды деятельности бессмысленны по своей сути в силу неотвратимости своей гибели.
Лев Николаевич Толстой*

© Порохова В. М., 2013

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

Как все начиналось

*Я ощущаю присутствие, палящее восторгом высоких мыслей,
Благостное чувство чего-то, проникающего вглубь,
Чье обиталище – лучи заката, и океан, и животворный воздух,
И небо синее, и ум людской – движение и дух,
Что направляет все мыслящее, все предметы мыслей,
И все пронизывает.*

William Wordsworth, Complete poetical works

Еще в V в., на последнем этапе доисламского периода, который мусульмане называют теперь *аль-джахилийя* («эра неведения»), Созомен, христианский историк из Палестины, писал, что сирийские арабы возродили исконную веру Авраама, который не был ни иудеем, ни христианином, поскольку жил в те времена, когда Бог еще не дал людям ни Тору, ни Новый Завет.

До появления мировых религий прогресс человечества сводился к чистым случайностям («непонятная случайность!») и целиком зависел от одаренных и боговдохновенных личностей. Вершиной этих интуитивных взлетов стало Господне пророчество – бесценная вереница предвестий семитских пророков (иудейских и арабских), завершившаяся пророчеством Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует!), избавившим людей от потребности в дальнейших Откровениях

Именно тогда проявился исключительно религиозный гений Мухаммада. Он дал арабам духовность, прекрасно сочетающуюся с давними традициями. В этой духовности таилась такая сила, что не прошло и сотни лет, как у арабов уже была совершенно своя цивилизация и своя великая империя, протянувшаяся от Гималайских гор до Пиренеев. Она формировалась исключительно на религиозной доктрине единобожия, которая не была окрашена никакими имперскими притязаниями.

Первый биограф исламского Пророка, Мухаммад ибн Исхак (ум. 767), свидетельствует, что незадолго до того, как Мухаммад обрел свой пророческий дар, несколько мекканских курейшатов пытались возродить *ханифийя* (истинную) веру Авраама. Имена трех из них мусульмане хорошо помнят и поныне: Абдаллах ибн Джахш, двоюродный брат Мухаммада, Барака ибн Науфаль и Зайд ибн Амр, дядя Умара ибн Хаттаба.

Итак, около 610 г. арабский купец, который никогда не читал Библию и даже не слышал, по-видимому, про Исайю, Иеремию и Иезекииля, испытал переживания, поразительно схожие с видениями древнееврейских пророков. Мухаммад ибн Абдаллах из племени Курейш, житель процветающей Мекки, что в Хиджазе, каждый год в месяц Рамадан удалялся с семьей на гору Хира для духовного уединения. В семнадцатую ночь месяца Рамадан 610 г. на горе Хира Мухаммад внезапно пробудился, окруженный каким-то необъяснимо ошеломляющим Божественным присутствием. Позднее он описал этот непередаваемый опыт в истинно арабском духе: некто стиснул его в объятиях, да так сильно, что у него перехватило дух, и он почувствовал вдруг, как из его уст рвутся странные слова: «Читай! Во имя Бога твоего, кто сотворил, – кто создал человека!...»

Мухаммад пережил встречу со всемогущей сверхъестественной Реальностью, которую еврейские пророки называли *каддаш* – святость. Сталкиваясь с ней, древние евреи также испытывали предельное физическое и душевное напряжение, подобное чувству близости смерти. Тяжкие переживания обрушились ни с того ни с сего и вызвали глубочайшее потрясение. «Не бывало еще, чтобы я получал Откровение без такого чувства, будто из меня вырывают душу», – позднее признавался Мухаммад Но Господней Волей и могуществом он «творил» один из

величайших духовных и художественных выражений Господнего волеизъявления. Мухаммад и сам понимал, что выражает на арабском языке несказанное дотоле Слово Божье. Слово Божье впервые прозвучало на арабском языке и стало той Вестью, которую со временем запишут и назовут «Аль-Коран» – «чтение вслух».

Как указывает само название Священной Книги, Коран предназначен для чтения вслух, и потому *звучание речи является очень важной гранью его воздействия*. Когда в мечети читают нараспев строки Корана, *Божественное измерение звука* окутывает мусульман со всех сторон и вызывает ощущение Божественного присутствия. Верующий переходит в возвышенное состояние, соприкасается с высочайшей Реальностью и властью, что таятся за границами повседневных явлений. Поэтому само чтение Корана уже представляет духовную дисциплину

Почти каждая Сура, читаемая нараспев в мечети, напоминает мусульманам практически все важнейшие догматы их веры.

Коран не имеет единой сюжетной линии и не требует последовательной расстановки фрагментов. Он, напротив, затрагивает самые разнообразные темы: присутствие Бога везде и во всем, дает мощнейшую аналитику исторических событий и миссии предшествующих пророков. В этой Священной Книге Бог словно откликается на текущее положение дел: разъясняет смысл раздоров и противоречий и раскрывает *Божественное измерение в человеческой жизни*. Слова приходили разрозненно, как бы соответствуя развитию событий и степени понимания глубинного смысла.

Коран постоянно призывает мусульман «зреть» Бога «в знаменьях» природы и воспринимать окружающий мир как Богооткровение: научиться смотреть *сквозь* обрывочные явления, за которыми открывается всемогущество изначального бытия – вездесущей высшей Реальности, и обязывает мусульман воспитывать в себе сакральное, основанное на символах, умонастроение – восхищение красотой и совершенством природы, являющей человеку Божественное присутствие:

*Поистине, в создании земли и неба,
И в смене мрака ночи светом дня,
И в кораблях, пересекающих моря для нужд людей,
В воде, что Бог с небес низводит и ею возвращает жизнь земле,
В движении и смене ветров,
Что облака меж небом и землей, как слуг своих перегоняют, —
Поистине, здесь кроются знаменья для тех, кто разумеет.*

Коран, 2: 164

Именно такой подход позднее позволил арабам развить уникальную традицию естествознания, в которой ислам, в отличие от христианства, не видел большой угрозы для веры. В то время как многие христиане Запада были убеждены, что наука – злейший враг религии, мусульманские мистики в своем созерцании часто прибегали к математике и естественным наукам и считали, что отличительной особенностью ислама как веры является стойкий культ разума. Исламский принцип *идж-тихада* (независимого суждения) побуждал мусульман быть восприимчивыми ко всему новому, осознавая, что Коран требует неустанного самоанализа и пересмотра своих воззрений. Исследование природы подтверждало, что в мире есть Высшее измерение, о котором можно говорить только знаками и символами. Даже описание Страшного Суда и райских наслаждений не следует понимать буквально – это лишь притчи, повествующие о высшей запредельности Реальности.

Коран возвращает верующих к общесемитской идее Божественного единства и признает в Нем *ассамад* – «беспричинную Причину всего сущего», то, что мусульманские философы

называют «Необходимо Сущим», то есть независимым в своем существовании ни от чего иного.

Все три монотеистические религии (иудаизм, христианство и ислам) – по своему существу активно деятельные. Все три сосредоточены на том, чтобы Воля Божья исполнялась не только на небесах, но и на земле. Главный сюжет всех трех пророческих религий – встреча, личное общение Бога с человеком. Такой Бог воспринимается как руководство к действию: Он зовет к Себе, но предоставляет свободу выбора – мы вправе принять Его руководство, любовь и заботу или отказаться от этого. Он связан с людьми через диалог, а не бессловесное созерцание. Бог изрекает Слово, которое и становится средоточием религиозного поклонения. Более того, Его Слово вынуждено воплотиться на земле и перенести все муки и страдания порочных и трагических обстоятельств человеческой жизни. При этом *легкомысленная вера в то, что все беды на земле происходят по Воле Божьей, нередко заставляет мириться с тем, что совершенно недопустимо для благополучия социума.*

Об этой связи человека с Богом в свое время мудро заметил Зигмунд Фрейд (1856–1939). Он указывал, что вера в Бога относится к той категории человеческих потребностей, которые пронизывают все сферы жизнедеятельности. Результаты притеснения веры взрывоопасны и пагубны. Более того, подавление религии неизбежно порождает фундаментализм, который возникает *исключительно из верности историческому исламу*, ибо мусульман заботит человеческая реальность под названием ислам, и эта земная ценность, в некотором смысле, оставляет в тени погруженного в *иное* измерение трансцендентного Бога. Ислам всегда поддерживал глубокое понимание того, что всякое повреждение религиозного организма неизменно пагубно сказывается на духовном благополучии человека.

Вполне возможно, что ни одна религия вообще не смогла бы выжить без подобных отношений с Богом и сопереживания Ему.

В исламе, как и в иудаизме, как и в христианстве, Бог воспринимается прежде всего как нравственный императив – действенный («работающий») императив, – как призыв к грядущим действиям, а не окончательная, завершенная действительность. Он имеет меньше *личностных* черт, нежели Бог иудеев, Он лишен пафоса и страстей библейского Бога. В древнееврейских священных текстах можно отчетливо увидеть историю становления узкоплеменного персонифицированного Бога и последующего отказа от этого образа. Христианство – самая, вероятно, персонализированная из религий единобожия – попыталось узаконить культ вочеловеченного Бога с помощью доктрины сверхличностной Троицы. Таким образом, идея персонифицированного Бога – по-видимому, лишь одна из стадий религиозного сознания человека. Все мировые религии замечали эту опасность и пытались подняться над антропоморфными представлениями о высшей Реальности.

Но тем не менее все три религии: иудаизм, христианство и в значительно меньшей степени ислам, каждая своим путем, пришли к идее персонификации Бога. Персонифицированный Бог помогал монотеистам сформировать священные и неотъемлемые ценности, столь ценимые сейчас либеральным гуманизмом. Эти ценности воплощались прежде всего в образе Бога-личности, который творит и разрушает, любит и ненавидит, судит и карает, видит и слышит, – все то же, что делает человек.

Серьезные последствия помог навлечь и такой «личностный» аспект Бога, как приписываемый Ему пол, как правило мужской, что могло послужить основанием для возвышения мужской половины рода человеческого за счет женской. К сожалению, позднее ислам, впрочем, как и иудаизм и христианство, также стал безраздельной вотчиной мужчин. И уже в период правления династии Аббасидов (750-1258) положение мусульманок стало таким же тяжелым, как и их сестер в иудейских и христианских сообществах, начиная с практически полного бесправия и кончая указом о полном покрытии вопреки кораническому завету (Коран, 7: 31,

32; 24: 31). Кораническое Откровение, обращенное к представителям обоих полов, утвердило практически полное нравственное и духовное равноправие мужчин и женщин.

*Поистине, для мусульман и мусульманок,
Уверовавших женщин и мужчин, предавшихся Аллаху,
Для жен благочестивых и мужей, для терпеливо стойких в своей вере
[...]*

*Для женщин и мужчин, что соблюдают пост, оберегают целомудрие
свое [...]*

Для них Аллах уготовал прощение и высшую награду.

Коран, 33: 35

В настоящее время мусульманки отчаянно призывают мужскую половину правоверных вернуться к изначальным заветам Корана.

Настоящий мусульманин (*муслим*) – тот, кто целиком вверил свою жизнь Творцу. *Кафиры* («неверные») не только и не столько атеисты, не те, кто вообще не верит в Бога, а те, кто не испытывает к Нему *признательности*, не желает чтить Его, проявляя тем самым необъяснимое упрямство и неблагодарность. К этой категории людей никоим образом нельзя причислять тех, кто исповедует другие вероучения (иудаизм, христианство и т. п.). Коран не отвергает Откровений пророков минувшего – в нем, напротив, постоянно напоминается о преемственности религиозных переживаний всего человечества, ибо каждый пророк подтверждает и развивает озарения своих предшественников. Тем самым **Коран неустанно повторяет, что его провозвестие не является принципиально новым, и призывает глубоко уважать предшествующие ему Откровения** (Коран, 5: 42–48). В исламе идея единственности Бога идет рука об руку с уважением религиозных стремлений других народов. Бог один, и вера в это – главный признак любой истинной религии (Коран, 109). Но внешние приметы веры в единственную высшую Реальность определяются культурными традициями, а также цивилизационными, ментальными и другого рода различиями народов в разных землях.

*Не препирайтесь с обладателями Книги,
Иначе как с достоинством и честью, используя наилучший довод,
Помимо тех, кто вам несправедливо чинит (намеренное) зло.
И говорите: «Мы верим в то, что нам ниспослано и вам.
Наш Бог и ваш, поистине, един.
И лишь единому Ему мы предаемся».*

Коран, 29: 46

Пытаясь понять какое-то явление, мы анализируем его, то есть дробим на части, пока такое деление возможно, и именно простой последний элемент считаем главным. То, что Бог неделим, полностью освещено в кораническом Писании: «И запретил деление целого на части», из чего следует, что Бога невозможно анализировать, делить на составные части или свойства. Его бытие не имеет ни причины, ни качеств, ни изменчивых признаков. Он не может быть объектом дискурсивной мысли, поскольку наш разум не вправе подступаться к Нему так же, как ко всему прочему. Его нельзя сравнивать ни с чем, что существует, в привычном относительном смысле. Он же постигает все, что от Него изошло и что Он вызвал к бытию.

Любые наши притязания на понимание Бога предполагали бы, что Он конечен и несовершенен. Самое точное суждение о Боге, какое мы только способны составить, заключается в том, что Он непостижим, поскольку превосходит естественные интеллектуальные способности человека. Утвердительными высказываниями можно описывать лишь деятельность Бога в окружающем мире, но не его извечно ускользающую сущность (*алдхам*).

Тем самым мусульмане имеют возможность прикоснуться к вневременному и внеисторическому измерению действительности. Единый Бог, которому поклоняются все, дарует целост-

ность и каждому человеку в отдельности, и всему обществу в целом. А фраза «*Аллах-у-Акбар*» («Господь превыше всего!») закрепляет границу между Богом и прочей действительностью и заставляет отличить все, что бы мы ни сказали о Нем, от того, какой Он есть на самом деле (*алдхат*). Жестких доктрин о самом Боге в Коране нет. Книга, напротив, относится к богословским спекуляциям с большой подозрительностью и отвергает их как *зэнна* – безответственные и бездоказательные догадки о тех вещах, о которых никто ничего не может знать.

Со временем в исламе появились свои секты и направления. Предвестием *первого раскола на шиитов и суннитов* стала борьба за власть, развязавшаяся сразу после убийства третьего праведного халифа Османа ибн-Аффана (род. 875, правил 644–656). Большинство голосов мусульмане избрали своим *халифом* (главой) Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата и зятя Пророка. Он был убит в мечети на утренней молитве по окончании пятого года своего правления (656–661). Эпоха праведных халифов завершилась со смертью Али. *Шиату Али* (партия Али, как они сами себя позднее представили) осталась в меньшинстве и в порядке протеста принялась разрабатывать свои представления о религиозном долге. Трагическим символом этого движения стал внук Мухаммада – Аль Хусейн ибн Али, отказавшийся признать власть Омейядов, которые возглавили халифат после смерти Али, отца Хусейна. В 680 г. халиф Йазид из династии Омейядов при подавлении восстания в Ираке разбил горстку приверженцев Хусейна на равнине Кербела и убил внука Пророка. Кровавое деяние Йазиды привело в ужас всех мусульман, и для шиитов Хусейн стал настоящим героем, после чего они окончательно решили, что руководить мусульманской *уммой* (общиной) имеет право только потомок Али ибн Абу Талиба. Али приходился Мухаммаду кузеном и зятем, то есть был связан с ним двойным кровным родством и потому правомерно, по соображениям шиитов, считался главным наследником и преемником Пророка.

У шиитов развилась совершенно особая эзотерическая набожность, основанная на символическом прочтении Корана. Считалось, что Мухаммад доверил тайные знания именно Али, после чего они передавались по линии прямых наследников Али, будущих имамов. Каждый имам воплощал собой «свет Мухаммада» (*аль-нур аль-Мухаммад*) – пророческий дух, некогда позволивший Мухаммаду вверить себя Богу без остатка. Ни Пророка, ни имамов, разумеется, нельзя считать святыми, однако они были настолько открыты Богу что Он, можно сказать, пребывал в них намного полнее, нежели в простых смертных. В Коране пророки часто просят Аллаха благословить их потомков – и именно эту идею Божественной милости расширили шииты, придя к убеждению, что истинным знанием (*ильм*) Божественного обладают только потомки Мухаммада, то есть потомки рода Али. Они, и только они, способны обеспечить *умме* Божье покровительство. С тех пор *Шиату Али* стала обособленной сектой ислама. Эти идеи, безусловно, развивались на основе древнеперсидского обычая считать некоторые семейства богоизбранными.

В отличие от мусульман-суннитов, считавших, что верующим не требуется посредничества духовного сословия. Поскольку каждый мусульманин отвечает за свои дела перед самим Богом, главной причиной недовольства шиитов был статус имамов. По шиитским преданиям, несколько имамов были отравлены и многим пришлось скрываться от гонений. Перед смертью имам должен был выбрать среди родни того, кто унаследует *ильм*. С годами имамов начали чтить как воплощение Божественного – считалось, что каждый из них являет собой свидетельство (*худжа*) присутствия на земле Бога, Который неким загадочным образом предстает перед людьми в человеческом облике (для сравн.: христианская доктрина во-человечивания). Шииты поклонялись имамам как живым вратам (*баб*) и тропам (*сабиль*), которые приближают сменяющиеся поколения мусульман (от поколения к поколению) к Богу И если ранний шиизм представлял собой весьма утонченную традицию и имел гораздо больше общего с теми мусульманами, которые опирались на последовательный, логический подход к Корану, то поздние шиитские течения уже вылились в совершенно иную идеологию, по-разному отслеживая пре-

емственность имамов. Так, секта *имамитов* признавала двенадцать наследников Али по линии Хусейна, которая оборвалась в 939 г, после того как последний имам скрылся от людей, не оставив преемника. Позже в их рядах возникло мессианское направление, представители которого верили, что двенадцатый, «скрытый» имам, появится снова и его возвращение ознаменует начало золотого века.

Исмаилиты, которых обычно называют «семеричниками», напротив, считали, что последним был седьмой имам. Они откололись от основной группы имамитов после смерти шестого Великого Имама (ум. 765). Он назначил своим преемником старшего сына Исмаила, со смертью которого преемственность имамов оборвалась. Заслугой исмаилитов было создание шиитского государства Фатимидов (909-1171).

Десятое столетие нередко именуют «веком шиитов», поскольку в ту пору им удалось занять ключевые политические посты по всей империи. Крупнейшим достижением шиизма стал самостоятельный халифат, учрежденный в 909 г в Тунисе в противовес суннитскому халифату с центром в Багдаде. Халифат Фатимидов в Тунисе набрал невероятную силу и в 973 г его столицу перенесли в аль-Кахиру (совр. Каир), где тогда же была выстроена огромная мечеть аль-Азхар. У этого течения шиизма была своя философия и наука, которые, однако, считались не самоцелью, а духовными дисциплинами, позволявшими постигать потаенный смысл (*батин*) Корана. Они с легкостью вошли в былую действительность доисламского Ирана, которая находила выражение в двух аспектах: 1) зримое небо (*гетик*), 2) высшие небеса (*менок*); им соответствуют две духовные реалии: любая молитва или добродетель *в нашем мире* (*гетик*) повторяются и *в небесных сферах* (*менок*), что придает человеческим деяниям истинную реальность и вечную значимость. Исмаилиты сделали «духами» этой небесной иерархии Пророка и имамов. Высочайшую «пророческую» сферу Первого Неба (*гетик*) занимал Мухаммад, управителем Вторых Небес (*менок*) стал Али, а далее в соответствующем порядке шли семь имамов. Таким образом, как мы видим, *исмаилиты батини* не были склонны к объективной точности – их манили *потаенные измерения религии* (*батин*); подобно живописцам, музыкантам и поэтам, они опирались на символику, которая имела мало общего с логикой и открывала действительность более глубокую, чем та, что воспринимается органами чувств или выражается рациональными категориями. Это был особый способ толкования Корана – *тауиль* (букв. «возвращение к истоку»), цель которого – пробудить ощущение таинства, чудесности, озарения на уровне куда более глубоком, чем рациональный ум. Такие практики «утихомиривали болтливый критический ум и позволяли осознавать тишину, окружающую каждое слово (для сравн: «Обет молчания» св. Серафима Саровского. – В. 77.), – подобно тому, как индуст вслушивается в невыразимое безмолвие вокруг священного слова АУМ. Погружаясь в эту тишину, он сознает, какая бездонная пропасть отделяет наши слова и представления о Боге от подлинной Высшей Реальности во все ее полноте»¹.

Рационалисты – так называемые *мутазилиты* – образовали особое направление в исламе и имели стойкие политические убеждения. Политические неурядицы стали причиной богословских споров о степени влияния Бога на дела смертных. Власть прибегала к довольно изворотливым оправданиям: в том, что они отклоняются от духа ислама, нет их вины, ведь такую судьбу уготовил им Сам Бог, при этом обеспечивая себе поддержку не только в доктрине предопределения, но даже в самом Коране, где недвусмысленно утверждается безоговорочное всеведение и всемогущество Аллаха. **Но!** В Коране не менее выразительно говорится *о личной ответственности* человека за свои поступки:

*И никогда Аллах не поменяет
Такого положения (с людьми),*

¹ Армстронг К. История Бога: Тысячелетние искания в иудаизме, христианстве и исламе / Пер. К. Семенова; под ред. В. Трилиса и М. Добровольского. – Киев; М.: София, 2004. – С. 51.

Пока они не переменят его сами
Коран, 13: 11

Свободную волю и моральную ответственность мутазилиты отстаивали ради того, чтобы уберечь этические идеалы человеческой жизни. Они настаивали на том, что справедливость – идеал сугубо человеческий – является неотъемлемым свойством Бога, Который не может быть несправедлив в распределении благ и, соответственно, не может потворствовать социальной несправедливости, ибо Божье Откровение не может расходиться со здравым смыслом. Они утверждали, что коранические упоминания о Божьих атрибутах, антропоморфные описания Его деятельности в нашем мире следует толковать только в переносном смысле – через символику и притчи.

Основателем исламской традиции *каляма* (букв.: «слово», «беседа»; обычно переводится как «богословие») стал *Абуль-Хасан ибн Исмаил аль-Ашари* (878–941) – мутазилит, перешедший на сторону *традиционалистов*. Он мечтал вернуться к полнокровному Богу Корана, несмотря на всю Его противоречивость: аль-Мухйи – Дающий Жизнь, аль-Кабид – Отнимающий, аль-Халим – Всетерпимый, Кроткий, аль-Каххар – Господствующий, Ломающий Хребет Врагу, аль-Хафид – Унижающий, аль-Рафи – Возвышающий. Он верил, что такая парадоксальность лишь укрепит благоговение людей перед Богом и отказывался низводить Бога до уровня абстрактного построения, которое можно обсуждать и анализировать как любую другую человеческую идею. Божественные атрибуты: знания, власть, жизнь – совершенно реальны, однако эти свойства не имеют ничего общего с *естеством Бога*, чья сущность едина, проста и единственна в своем роде. Аль-Ашари был готов задаваться многочисленными вопросами и изучать метафизические проблемы, даже заведомо считая, что таинственную и неизъяснимую Реальность, именуемую Богом, невозможно втиснуть в рамки скудной рационалистической модели.

Основой *каляма* было традиционное для монотеизма восприятие истории как Богооткровения и решающее значение тут имели частные, конкретные события, поскольку только их можно было считать непреложными фактами.

Первым и самым крупным богословом ашаритской школы стал *Абу Бакр аль-Бакиллани* (ум. 1013). В попытках найти метафизическое обоснование исламской веры в то, что в мире нет иных богов, иной действительности и вообще ничего несомненного, кроме Аллаха, он разработал теорию, известную как «атомизм» (см. главу «Бог и Эго»). Он утверждал, что все на свете целиком и полностью зависит от прямого внимания Бога. Вселенную аль-Бакиллани сводил к неисчислимой совокупности независимых атомов; время и пространство были у него дискретны, и ни один объект не обладал особыми самостоятельными свойствами. Реален только Бог, и только Он является опорой Вселенной, и каждый миг Он дарует сотворенному миру реальное бытие.

Так или иначе, в первые годы истории ислама к размышлениям о сущности Бога мусульман нередко приводила обеспокоенность политическим положением халифата. По окончании периода *Рашидин* (первых четырех праведных халифов) мусульмане осознавали, что теперь живут в новом мире, который разительно отличается от крохотного военизированного общества Медины. Арабы стали хозяевами стремительно разраставшейся империи, а их вождями целиком овладели мирские заботы и алчность: знать купалась в роскоши и погрязла в пороках. Наиболее ревностные мусульмане напоминали властям о провозвестии Корана и пытались приспособить ислам к изменившимся условиям жизни. На мой взгляд, самое удачное решение было найдено правоведами и традиционалистами, которые вознамерились вернуть мусульманам идеалы Мухаммада и эпохи *Рашидин*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.